

In Love with Prozac

признание переводчика

Обожаю спорить (...)

Мне не нужно, чтобы вы были на моей стороне — я сама на своей стороне.

Все имеют право на мое мнение¹.

Элизабет Вуртцель

*(Но я позаимствую эту фразу в качестве
жизненного девиза. И вы можете.)*

У дебютного романа Элизабет Вуртцель «Нация прозака» было множество шансов стать литературным фиаско. Много ли шансов на успех у двадцатисемилетней писательницы, за плечами у которой из опыта только Гарвард, любовь к винилу и музыкальным рецензиям, награда журнала *Rolling Stone* за эссе о Лу Риде, красота (и привычка постоянно напоминать о ней всем вокруг), относительно беспечная жизнь и не проходящая обида на развод родителей.

И депрессия.

«Нация прозака» и не слишком богатый жизненный опыт Вуртцель могли не заинтересовать читателей.

¹ Colin Dwyer. “Elizabeth Wurtzel, Who Stirred Conversation With ‘Prozac Nation’, Dies At 52”, *NPR*, 7 January 2020. <https://www.npr.org/2020/01/07/794233422/elizabeth-wurtzel-who-stirred-conversation-with-prozac-nation-dies-at-52>.

«Нация прозака» могла оказаться обычным *campus novel*.

«Нация прозака» могла называться *I Hate Myself and I Want to Die*¹.

«Нация прозака» могла обернуться нарциссической хроникой страданий обеспеченной белой девчонки, раздумывающей о самоубийстве между лекциями, вечеринками и наркотиками в Гарварде².

«Нация прозака», как и все, что когда-либо делала Элизабет Вуртцель, могла вызвать привычное раздражение критиков, писателей и друзей, и остаться просто книгой — одной из сотен тысяч книг, изданных в 1995 году.

Но «Нация прозака» стала национальным и международным бестселлером, а со временем превратилась в культовую книгу. К русскоязычным читателям роман приходит с опозданием почти в тридцать лет — серьезный отрыв, который мог бы сильно приглушить, если даже не убить интерес к книге. Многие авторы, чьи имена, казалось, определяли литературу тридцать лет назад, сегодня словно застыли в бронзе и пыли. Темы теряют актуальность. Язык не то чтобы устарел, но словно потерял витальность и способность жить в голове у читателя.

С «Нацией прозака» ничего из этого не произошло — наоборот, кажется, что именно сейчас роман Вуртцель может стать “the It Book”³ для русскоязы-

¹ Любимая фраза Курта Кобейна. Вы еще встретитесь с ней в самом начале книги, поэтому пока не буду спойлерить.

² Walter Kirn. “For White Girls Who Have Considered Suicide”, *New York Magazine*, 5 September 5, 1994, p. 50.

³ «Той самой книгой» (*сленг.*) по аналогии с известным выражением “the It Girl”, которое идеально подошло бы Элизабет Вуртцель.

зычных читателей. За тридцать лет она не утратила ни остроты темы, ни смелости подачи и ощущения вызова, что Вуртцель бросает всему миру, ни своей исключительной литературной харизмы.

«Прозак» был моим первым антидепрессантом, а сегодня кажется мне фармацевтической рухлядью, давно уступившей место фарме, что «быстрее, выше, сильнее»¹. «Нация прозака» была моей первой книгой-двойником, книгой, непонятным образом забравшейся мне в голову и рассказавшей все за меня раньше, чем я набралась бы смелости. С первой страницы и до последней, с решения перевести книгу и нескольких лет в поисках издателя до знакомства с кем-то, кто верит в «Нацию прозака» так же, как и я, — все это время, открывая наугад любую страницу, я понимала, что Вуртцель так же продолжает говорить про меня, про тебя, про *Zeitgeist*. Удивительно для книги, о которой критики наперебой твердили: все, о чем Вуртцель говорит, — это я, я, я. У истории литературы неплохое чувство юмора.

Сильвия Плат с эго Мадонны²

Элизабет Вуртцель ворвалась в литературу как «девочка-скандал». Провокационным в «Нации прозака» было все: «неудобная» тема депрессии, неожиданная для двадцатисемилетней дебютантки литера-

¹ Хотя, конечно же, это моя ошибка восприятия, флуоксетин по-прежнему занимает место в топе самых часто прописываемых антидепрессантов.

² Ken Tucker. “Rambunctious with Tears”, *The New York Times*, 25 September 1994, p. 11. <https://www.nytimes.com/1994/09/25/books/rambunctious-with-tears.html>.

турная смелость и, наконец, наглая, местами непристойная и убийственно обаятельная откровенность Вуртцель, равно как и манера ее письма.

Двадцатисемилетняя писательница не постеснялась назвать главную героиню собственным именем, а книгу — мемуарами. И настояла на том, что на обложке может — нет, обязана — быть только она сама, чтобы у читателя не оставалось никаких сомнений: перед нами не выдуманная история, перед нами — абсолютно откровенный рассказ Элизабет Вуртцель о себе и о своей борьбе с депрессией. Сегодня смелость этих жестов может казаться неочевидной, но в 1994 году дебютный роман Вуртцель «взорвал» литературный мир. Мемуары в двадцать семь лет — какая дерзость! Мемуары на триста с лишним страниц о собственной депрессии — невообразимо! Роман, основанный на личном опыте депрессии, особенно написанный женщиной, нарушал негласное литературное табу. В сочетании с формой исповедальной литературы — а Вуртцель взяла в ней настолько высокую ноту, что пронзительнее текста, кажется, и не представить — все это было, без преувеличения, настоящим прорывом. Вуртцель в одиночку совершила литературную революцию.

Депрессия, дерзость и харизма — именно они превратили Вуртцель в литературную рок-звезду. «Нация прозака» быстро приобрела статус культовой книги, а сама Элизабет — финансовую независимость и уверенность в том, что ей, культурной легенде, дозволено все. А еще тот особенный жизненный опыт и мировоззрение, которые неизбежны

для «иконы поколения»: ощущение, что весь мир вокруг и ненавидит, и одновременно пресмыкается перед тобой¹. Но, пожалуй, важнее всего было то, что ее публичная исповедь перед всем миром, «Нация прозака», «подарила ей свободу», и всю свою жизнь она «расходовала эту свободу беспечно и с огромной благодарностью»² — в том числе и как писательница. «Я пишу только то, что мне хочется», «я могу писать так, как пишу, только потому, что я такая, как есть», — напишет Вуртцель в одной из своих самых знаменитых поздних статей³.

И свою жизнь она прожила так же, как писала — свободно делала только то, что хотелось, целовала только тех мужчин, которых любила, и с любовью же принимала себя и собственный нарциссизм, превратив его в визитную карточку и одновременно — в лучшую защиту, обеспечивавшую ей неизменную веру в себя и полнейшую неуязвимость перед комментариями критиков. Она не читала рецензий на свои книги и смеялась, когда ей пересказывали самые колкие моменты. В этом она проявляла удивительную душевную щедрость: никогда не обижалась на своих критиков, некоторым позже помогала, а кому-то даже становилась другом.

¹ Jia Tolentino. “The Chaotic, Beautiful Larks of Elizabeth Wurtzel”, *The New Yorker*, 10 January 2020. <https://www.newyorker.com/culture/postscript/the-chaotic-beautiful-larks-of-elizabeth-wurtzel>.

² Elizabeth Wurtzel. “Elizabeth Wurtzel Confronts Her One-Night Stand of a Life”, *New York Magazine*, 14 January 2013.

³ Там же.

И как эта девица вообще получила
контракт на книгу?¹

Представлять книгу фразой о том, что ее или обожают, или ненавидят — страшная банальность. Но что делать автору этого предисловия, если клише в прямом смысле оживает: ведь *odi/amo* распространяется не только на «Нацию прозака», но и на ее автора? Немногим критикам, как Митико Какутани, удалось сохранить нейтральный, аналитический тон, говоря о дебюте Вуртцель: «Одновременно выворачивающая наизнанку и смешная, полная самовлюбленности и осознающая свое несовершенство, “Нация прозака” демонстрирует редкую честность калибра эссе Джоан Дидион, раздражающий эмоциональный эксгибиционизм в духе “Под стеклянным колпаком” Сильвии Плат и сухой, темный юмор песен Боба Дилана»². Впрочем отдав должное стилю Вуртцель, Какутани отметила, что ее мемуарам не помешала бы серьезная редактура, особенно по части «упивающихся жалостью к себе пассажей, где читателю хочется потрясти автора за плечи и напомнить ей, что вырасти в Нью-Йорке семидесятых и отправиться в Гарвард — далеко не худшая судьба»³.

¹ Erica L. Werner. «Prozac Nation: Elizabeth Wurtzel’s Unofficial Guide to Whining», The Harvard Crimson, 29 September 1994. www.thecrimson.com/article/1994/9/29/prozac-nation-elizabeth-wurtzels-unofficial-guide.

² Michiko Kakutani. “The Examined Life Is Not Worth Living Either”, The New York Times, 20 September 1994, Section C, p. 19.

³ Там же.

Рецензию *Publishers Weekly* на общем фоне тоже можно принять за почти умеренную: «Временами эмоционально захватывающая, а временами утомляющая своим солипсизмом, книга [Вуртцель] балансирует на грани между увлекательным автопортретом и кокетливой претензией на всеобщее внимание»¹. Но по большей части критики, стандартно отмечая эмоциональную силу и искренность повествования, предпочитали в деталях обсуждать и осуждать эмоциональную нестабильность главной героини и едва ли не соревновались в остроумии, подчеркивая заикленность Лиззи на самой себе. Вальтер Кирн из *The New York Magazine* отмечал, что, хотя «Нация прозака» и не лишена «хорошо написанных, убедительных эпизодов», в целом книга «абсолютно невыносима» и «поразительно эгоцентрична»². Эрика Вернер на страницах *Harvard Crimson* задавалась вопросом: «И как эта девица вообще получила контракт на книгу? Почему ей разрешили написать эту дрянь?» — полную «непристойного эксгибиционизма», «у которого нет другой цели, кроме как заставить нас попеременно скучать или испытывать неловкость»³.

Kirkus Reviews обвинили Вуртцель в том, что она пытается получить все и сразу: «Ей хочется и

¹ “Prozac Nation”, *Publishers Weekly*. September. <https://www.publishersweekly.com/9780395680933>.

² Walter Kirn. “For White Girls Who Have Considered Suicide”, *New York Magazine*, 5 September 5, 1994, p. 50.

³ Erica L. Werner. “Prozac Nation: Elizabeth Wurtzel’s Unofficial Guide to Whining”, *The Harvard Crimson*, 29 September 1994. www.thecrimson.com/article/1994/9/29/prozac-nation-elizabeth-wurtzels-unofficial-guide.

того, и другого: одновременно быть и Главной среди Чокнутых, и голосом поколения». При этом «поочередно то умаляя свою депрессию, то придавая ей слишком много значения, Вуртцель теряет всякое доверие читателя: она или несносный подросток, который никак не повзрослеет, или правда нуждается в фарме. В конечном счете тебе на это наплевать»¹.

Но победителем в этом конкурсе критики *ad hominem*, пожалуй, стал Кен Такер, предположивший на страницах *The New York Times*, что «можно было бы проникнуться к мисс Вуртцель большим сочувствием, если бы ее собственная жалость к себе так не действовала на нервы»². «Не удивлюсь, если читатели станут пролистывать страницы одну за другой в тщетной надежде найти пару бесплатных капсул “Прозака”, запятанных в книгу, чтобы их отпустило»³.

Я хотела рок-н-ролла в тексте

Впрочем, никто не был безжалостен с Вуртцель так, как она сама. «Мне кажется, что себя саму я сделала худшим из персонажей. Мне кажется, я неприятнее всех», — признавалась Вуртцель — и в этом признании нет ни игры, ни кокетства. Плохие книги

¹ “Prozac Nation. Young and Depressed in America. By Elizabeth Wurtzel”, Kirkus Review, 14 September 1994. <https://www.kirkusreviews.com/book-reviews/elizabeth-wurtzel/prozac-nation/>.

² Ken Tucker. “Rambunctious with Tears”, *The New York Times*, 25 September 1994, p. 11. <https://www.nytimes.com/1994/09/25/books/rambunctious-with-tears.html>.

³ Там же.

о депрессии часто романтизируют болезнь, выстраивая грубую связь между депрессией и артистическими наклонностями. Или же превращают депрессию в своего рода универсальную индульгенцию, оправдание любых поступков героя.

Вуртцель не выдает себе никаких индульгенций. Наоборот, чем больше ее героиня жалеет и оправдывает себя, чем больше требует того же от каждого, кто окажется с ней рядом; чем с большим упоением и вниманием к мельчайшим деталям она описывает свои страдания — тем заметнее ее нарциссизм, эгоистичность и самовлюбленность. Депрессия превращает Лиззи в невыносимое, монструозное существо и лишает ее симпатии друзей, равно как и читателей.

Эти метаморфозы облечены в интонационно безошибочный, точный текст. Вуртцель не допускает ни единой фальшивой ноты, описывая мысли и поведение Лиззи. Тем удивительнее, что, не стесняясь обвинений *ad hominem*, авторы разгромных рецензий так убежденно и подробно пишут о самолюбии и самовлюбленности, эксгибиционизме и эгоцентризме Вуртцель, но не задают очевидного вопроса: почему же она столь нарочито и бескомпромиссно жестока со своей героиней — альтер эго?

Рейчел МакЛеннан очень точно замечает, что борьба против стигматизации депрессии создала вокруг Вуртцель ореол писательницы-бунтарки, нарушающей все возможные правила, а, может, и вовсе не замечающей их, ведь она так увлечена рассказом о себе. Акцент на сопротивлении, нонконформизме справедлив, но в то же время этот образ затмил собственно литературный талант Вуртцель, сложность

ее письма и существенный вклад в развитие традиции американской автобиографической прозы. МакЛеннан настаивает на том, что и голос, и образ Лиззи — то есть ее нарциссизм, эгоцентричность и потребительское отношение к другим — все это тщательно сконструировано стилистически¹. Голос Лиззи не идентичен голосу Элизабет Вуртцель, его гротескные, отталкивающие интонации придуманы и продуманы автором. В написанном в 2015 году специальном послесловии к роману Вуртцель объясняет, что ее творческая задача — максимально точно передать состояние депрессии, не смягчая изображения Лиззи и не пытаясь сгладить острые углы, — и эта установка напрямую определили стилистику «Нации прозака». Вуртцель сравнивает себя с Уильямом Стайроном: в «Зримой тьме» он пишет так, словно стесняется пережитой депрессии и пытается замаскировать самые темные ее проявления. А писательница-бунтарка делает все по-другому:

«Но мне хотелось просто взорваться. Я хотела писать, как лихорадочная. Хотела забыть все литературные условности, и сомнение, и самообладание, и соображения разумности, которые, как меня всегда учили, были признаками хорошего текста (...) Мне хотелось рок-н-ролла в тексте».

Придуманный ею рок-н-ролл — нарциссизм, отсутствие самоиронии, постоянное самовозвеличи-

¹ Rachael McLennan. “Autobiography as Mediation and Mitigation: Elizabeth Wurtzel’s Prozac Nation (1994) and Porochista Khakpour’s Sick (2018)”, *Comparative American Studies*, v. 18, 2, 2021, pp. 222. <https://doi.org/10.1080/14775700.2021.1988293>.

вание — явно выдает свою искусственную природу, сделанность, в послесловии, где голос Вуртцель звучит совершенно иначе. Драматизм интонации не уходит окончательно, но внимание рассказчицы здесь направлено не на себя, а вовне. Ее взгляд не прикован к зеркалу, но, наоборот, пристально изучает «Соединенные Штаты Депрессии» — мир, состояние которого Вуртцель пытается проанализировать и объяснить.

Объяснение, найденное МакЛеннан, как будто лежит на поверхности — достаточно внимательно прочитать послесловие к изданию 1995 года. Но если критики это и делали, то предпочитали — случайно или намеренно — игнорировать объяснения автора. Тем более что сама Вуртцель, кажется, наслаждалась возможностью играть в саму себя, стереть грань между собой и Лиззи, реальностью и «Нацией прозака». И эта игра тоже была частью ее бунта.

Икона Gen X¹/Что-то вроде гарвардской Бритни Спирс?²

В «Нации прозака» Лиззи очаровательно называла себя «сплошным беспорядком» — и Элизабет Вуртцель, несомненно, тоже им была. Она всегда

¹ Alex Williams. “Elizabeth Wurtzel Finally Grew Up, Like the Rest of Gen X”, *The New York Times*, 8 January 2020. <https://www.nytimes.com/2020/01/08/style/elizabeth-wurtzel-gen-x.html>.

² Цит. по: Karen Walby. More, Now, Again: A Memoir of Addiction. *Entertainment Weekly*, 1 March 2002. <https://ew.com/article/2002/03/01/more-now-again-memoir-addiction/>.